

Научная статья

УДК 39

EDN: YIUDDO

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-66-76>

Формирование новой идентичности русскоязычных иммигрантов в США

Н.В. Шалыгина

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на трансформацию этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США. Рассматриваются различные методологические подходы к изучению трансформации социокультурной и этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в современных США. Перечислены несколько известных методологических школ (как зарубежных, так и отечественных), разработавших наиболее известные в научном мире теории, позволяющие составить представление о «маргинальном человеке» (Роберт Парк, Чикагская школа), проблемах иммигрантов, оказавшихся в «промежуточном состоянии» и испытывающих комплекс «неприкаянности» (А. фон Геннеп), возможностях изучения повседневной жизни иммигрантов с помощью микроисторического подхода (Леви), «домашней антропологии» (Андерсон) и др. Применительно к русскоязычному сообществу в США рассматривается теория аккультурации Д. Берри, основанной на нескольких моделях адаптации к инокультурной среде (ассимиляция, сепарация, интеграция). Обозначено направление, посвященное изучению нелинейной аккультурации молодежи в США, позволяющее провести сравнение между юношами и девушками в процессе их адаптации. Особое внимание в статье уделено феминистским теориям адаптации мигрантов и возможности их использования для исследования русскоязычных диаспор в США. Приводятся несколько теоретических направлений, позволяющих объяснить особенности адаптации к американской жизни среди представителей нескольких этнических групп, включая русскоязычные группы. Акцентируются процессы, деформирующие в иммиграции исходные модели мужского и женского поведения, появления у них дифференцированных форм гендерной идентичности как стратегии адаптации к американскому образу жизни, трансформации патриархальной системы поло-ролевого поведения (особенно в мусульманских общинах) и т. п. Феминистская методология изучения миграций включает в себя и философский уровень обобщения фактографического материала, позволяющего, например, проводить параллель между иммиграционными ограничениями (квоты) и доминирующим влиянием маскулинных ценностей в мире как присвоенным мужчинами правом ограничивать женскую свободу. В отношении русскоязычных женщин-иммигранток феминистская методология позволяет изучать степень резистентности традиционных поло-ролевых ценностей постсоветских переселенцев по отношению к американской культуре в целом.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, постсоветские иммигранты США, адаптация, конструктивизм, ассимиляция, глобализация, глокализация, бикультурализм, сепаратизм

Для цитирования: Шалыгина Н.В. Формирование новой идентичности русскоязычных иммигрантов в США // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 66–76. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-66-76. EDN: YIUDDO.

Ethnology

Original article

Formation of a new identity Russian-speaking immigrants to the USA

Nataliya V. Shalygina

Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS), Moscow, Russia

Abstract. The article examines the factors influencing the transformation of the ethnocultural identity of post-Soviet immigrants to the United States. The article examines various methodological approaches to studying the transformation of sociocultural and ethnocultural identity of post-Soviet immigrants in the modern United States. Several well-known methodological schools (both foreign and domestic) are listed, which have developed the most famous theories in the scientific world, allowing one to get

an idea of the “marginal person” (Robert Park, Chicago School), the problems of immigrants who find themselves in an “intermediate state” and experiencing a complex “restlessness” (A. von Gennep), the possibilities of studying the everyday life of immigrants using a microhistorical approach (Levi), “domestic anthropology” (Anderson), etc. In relation to the Russian-speaking community in the United States, D. Berry’s theory of acculturation, based on several models, is considered adaptation to a foreign cultural environment (assimilation, separation, integration). A direction devoted to the study of nonlinear acculturation of youth in the United States is outlined, allowing for comparisons between boys and girls in the process of their adaptation. Particular attention is paid to feminist theories of migrant adaptation and the possibility of using them to study Russian-speaking diasporas in the United States. Several theoretical directions are presented to explain the peculiarities of adaptation to American life among representatives of several ethnic groups, including Russian-speaking groups. The emphasis is placed on the processes that deform the original models of male and female behavior in immigration, the emergence of differentiated forms of gender identity among them as a strategy for adaptation to the American way of life, the transformation of the patriarchal system of sex-role behavior (especially in Muslim communities), etc. Feminist methodology for studying migration also includes a philosophical level of generalization of factual material, which allows, for example, to draw a parallel between immigration restrictions (quotas) and the dominant influence of masculine values in the world as the right assigned by men to limit women’s freedom. In relation to Russian-speaking immigrant women, feminist methodology allows us to study the degree of resistance of traditional sex-role values of post-Soviet immigrants in relation to American culture.

Keywords: ethnocultural identity, post-Soviet US immigrants, adaptation, constructivism, assimilation, globalization, glocalization, biculturalism, separatism

For citation: Shalygina N.V. (2024) Formation of a new identity Russian-speaking immigrants to the USA. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 66-76. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-66-76. EDN: YIUDDO.

Изучение изменения этносоциальной идентичности современных мигрантов требует использования междисциплинарных методов исследования и применения нескольких теоретических подходов. Опыт постсоветской иммиграции в США в этом контексте представляется особенно актуальным, так как, по сути, содержит в себе адаптивные практики в рамках сразу нескольких видов этносоциальной идентичности – советскую, этническую и российскую, которые в инокультурной среде трансформируются с различной скоростью и в различных направлениях.

Идентичность мигрантов впервые начала изучаться в 1920–1940-х годах представителями так называемой Чикагской школы исследователей, которые, используя личные письма польских мигрантов, их автобиографические рассказы, дневники и другие нарративы, подняли вопрос об изменении их образа жизни, поведения, социокультурных установок и менталитета в новых условиях проживания. В качестве критерия, определяющего успешность их адаптации, был предложен термин социального счастья, означающий чувство удовлетворения новой жизнью после переселения в другую страну. По мнению одного из наиболее известных представителей Чикагской школы, Роберта Парка, мигрант является «маргинальным человеком», который живет одновременно в нескольких социокультурных реальностях, не порывая оконча-

тельно со своей прошлой жизнью, но и не способный быстро усвоить новую культуру в принимающей стране (Парк, 1998). Подобного рода разделение провоцирует постепенное разрушение первоначальной идентичности, но окончательно не отменяет ее на протяжении жизни одного и даже двух поколений. Теоретики Чикагской школы в своих исследованиях выделили и поло-ролевые особенности изменения идентичности в иммиграции, но к формированию самостоятельного исследовательского направления в то время такое научное новаторство не привело.

Значительный шаг вперед по изучению иммигрантской идентичности был сделан в середине XX в., когда в среде западноевропейских историков родилась концепция микроисторических исследований, позволившая исследовать события частной жизни человека, его повседневные заботы и практики овладения опытом адаптации к новой среде. Возможность изучать ежедневную жизнь обычных людей была противопоставлена макроподходам в историческом знании и задекларирована в известной фразе одного из основателей этого направления Джованни Леви, объявившем, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» (Levi, 1992). Благодаря микроисторическому подходу, в 1970-х годах стали быстро развиваться, в том числе, и такие измерения феномена иден-

тичности, как культурная самоидентификация и кросс-культурные взаимовлияния.

В связи с появлением в 1970-х годах и такого методологического подхода, как *anthropology at home* («домашняя антропология»), исследование меняющейся идентичности иммигрантских сообществ получает новый импульс развития за счет выделения в рамках «сравнительной социологии» собственно антропологии и придания ей функции изучения культуры не «издалека», а «внутри» исследовательской практики, а также отделив ее от социологии (Anderson, 1992. P. 56–58).

Усиление общей «этнографической чувствительности» повлияло на рождение новой концепции адаптации мигрантов, автором которой является канадский психолог Джон В. Берри. На основе кросс-культурных исследований в различных странах мира (включая Россию 1990-х годов) им была сформулирована теория аккультурации, включившая в себя три базовых модели (или стратегии). Согласно *первой модели* (ассимиляции), иммигранты в условиях иной культуры сознательно отказываются от идентификации со своей исходной культурой и стремятся идентифицировать себя с новой культурой, добровольно принимают свойственные ей ценности и образ жизни. По отношению к США в целом можно сказать, что доктрина ассимиляции считается в этой стране малоэффективной уже с 1970-х годов, так как быстро увеличившиеся иммигрантские потоки способствовали образованию здесь достаточно изолированных национальных анклавов, ведущих замкнутый образ жизни (Рајо, 2008. P. 44). Однако следует отметить, что данное утверждение не распространяется на постсоветскую эмиграцию 1990-х годов, когда за океан переезжали российские граждане, принципиально ориентированные на смену своей гражданской идентичности.

Построение *второй модели* (сепарации), напротив, основано на приверженности иммигрантской группы своей собственной, изначальной идентичности и отторжении новой культуры. Данная модель аккультурации нередко оказывается сопряженной с *третьей моделью* – маргинализацией, когда иммигранты не устанавливают тесных контактов с новой культурой, но и не развивают свою собственную в новых условиях, что постепенно приводит к ее дискретности, «обнищанию». Что

касается *четвертой модели* аккультурации, обозначенной Берри как интеграция, то она, по сути, предполагает взаимодействие исходной и новой идентичностей, обогащая тем самым и ту, и другую (бикультурализм) (Berry, Kim et al., 1989).

Взгляды Берри на природу идентичности иммигрантов были дополнены и обрели новые смыслы в рамках конструктивистского подхода, позволяющего анализировать психологическую основу множественной идентичности, которая формируется при одновременном взаимодействии нескольких культур (Breakwell, Lypns, 1996). Теория структуры идентичностей, созданная психологом П. Вайнрахом, затрагивает, в том числе, и пограничные состояния самоидентификации человека в общественной жизни (социальные эксклюзии), которые во многом характеризуют иммигрантскую идентичность (Weinreich, 1991).

С наступлением эпохи глобализации проблемы, связанные с определением (и, тем более, классификацией) иммигрантской идентичности еще более обострились. Известным американским социологом-неомарксистом И. Валлерстайном была выдвинута гипотеза о неизбежном разрушении социокультурной и этнокультурной идентичности как отдельного человека, так и группы людей под влиянием глобализационных процессов, инициированных и продвигаемых Западом (Цит. по: Романовский, 1999).

Противоположная точка зрения принадлежит британскому социологу Дж. Томлинсону, который утверждает, что культурная идентичность – это, скорее, естественный продукт глобализации, чем ее жертва. По его мнению, глобализация не уничтожает культурную идентичность, а, наоборот, способствует созданию ее новых форм. Суть этого процесса, полагает Томлинсон, заключается в том, что собственная идентичность иммигрантов, сталкиваясь с многообразием ее форм в новых условиях, неизбежно будет укрепляться, а не разрушаться (Tomlinson, 1999). Концепция неизбежного усиления идентификационных процессов в условиях тотальной глобализации получила название *глокализации*, что означает одновременное развитие локального и глобального в ходе постепенного изменения культуры в XXI в. (Robertson, 1995).

Не меньшую актуальность в конце XX в. приобретает и так называемый феминистский подход к

трансформации иммигрантской идентичности, поставивший под сомнение «скрытость» роли женщин в миграционных процессах. В рамках таких направлений, как конституционные права женщин-иммигранток, влияние женщин на экономику миграций, изменение в семейных отношениях мигрантов, женской повседневности на новом месте жительства и т. п. стали рассматриваться вопросы формирования новых моделей женских практик адаптации к новой этнокультурной среде. Например, в американской антропологии в процессе исследования особенностей этнокультурной принадлежности студентов американских колледжей, была обозначена нелинейная аккультурация молодежи, не соответствующая общепринятым интерпретациям. Например, феминистски, ориентированным исследователям удалось выявить, что именно девочки, а не мальчики, как принято считать, быстрее адаптируются в новой среде (Ghaffarian, 1987).

В 1990-е годы появились данные о том, что женщины-иммигрантки имеют более выраженную, по сравнению с мужчинами, склонность к сохранению идентичности, сформированной в культуре их происхождения, что связано в первую очередь с той ролью, которую женщины традиционно играют в семье и в обществе, являясь хранительницами очага и обеспечивая таким образом идентификацию с нормами и ценностями унаследованной культуры (Pratt, Hanson, 1994). Особенно ярко подобного рода тенденции проявляются в тех случаях, когда женщины в стране своего нового проживания не работают или не знают языка, что способствует их изоляции от внешнего мира (Yee, 1997).

Взаимосвязь гендерных и этнических факторов в формировании идентичности иммигрантов проявляется и в том смысле, что новая этнокультурная среда деформирует исходные мужские и женские модели поведения и способствует появлению у них иных, дифференцированных форм гендерной идентичности (Fincher, 1997). Феминистки подчеркивают важность осознания гендерных различий внутри каждой группы и значение этих различий. Можно сказать, что феминистские исследования 1990–2000-х годов способствовали не только пониманию того, как гендерные характеристики влияют на адаптацию иммигрантов, но и того, как условия жизни в иммиграции изменяют мужские и женские модели поведения.

Одной из наиболее актуальных проблем в области изучения мужской и женской идентичности в современном мире следует признать трансформацию гетеронормативности (Domosh, 1999). Сохранение жестких эссенциалистских границ между фемининностью и маскулинностью в исследовательской позиции не позволяет ее сторонникам адекватно оценивать динамику этих возможностей (Longhurst, 2000). Феминистки подчёркивают такие важные моменты адаптации иммигрантов, как гендерные различия внутри каждой группы (Nagel, 2001), увеличение форм гендерной идентичности в мире и влияние этих процессов на разнообразие адаптационных сценариев иммигрантов (Ellis, Conway, Bailey, 1996), сложности гендерных моделей адаптации представителей мусульманских общин в евроатлантическом пространстве (Dwyer, 1999), особенности национальной политики государств с патриархатной системой гендерных отношений за рубежом (Elmhirst, 2000).

С начала 2000-х годов среди исследователей феминистской направленности активно изучаются проблемы, связанные с участием самих диаспор за рубежом в процессах переформатирования гендерной идентичности мигрантов и их независимости в этом отношении от материнской культуры (Gidwani, Sivaramakrishnan, 2003). В качестве примера нередко приводится опыт филиппинских женщин, меняющих свои поло-ролевые традиции в США, под влиянием экономических факторов (Aguilar, 1999).

Феминистская методология изучения иммигрантской повседневности особое внимание уделяет обобщениям, позволяющим проводить параллель между конкретным предметом исследования и философским уровнем его осмысления (Walton-Roberts, 2004). Так, феминистки настаивают на том, что все правила по ограничению иммиграции, по сути, являются попыткой маскулинного мира утвердить собственное превосходство над фемининными ценностями, предлагающими современному миру «мобильность без границ» и «наднациональную» регуляцию миграционных процессов, отрицающую какие-либо квоты. Любое принуждение иммигрантов к закреплению локации проживания феминистскими авторами трактуется, например, как проявление насилия, сравнимого с насилием мужчины над женщиной или дис-

криминацией этнических меньшинств (Nagar, Lawson et al., 2002).

Что касается применения феминистской методологии для изучения постсоветской иммиграции в США, то, начиная с 1990-х годов, она используется исключительно как возможность объяснения быстро растущего в тот период спроса на «русских невест» за океаном. Сформированный в США на основе средств массовой информации образ русской женщины постсоветской России закрепил в массовом сознании американцев представление о ней как об искательнице «заокеанского мужа» в качестве идеального варианта решения всех своих проблем в перестроечной России (Представление американцев...).¹ Проводившиеся американскими социологами исследования быстрого роста русско-американских браков в 1990 – середине 2000-х годов предлагали и более глубокие объяснения данного феномена. Так, утверждалось, что решающим фактором, побуждающим русскоязычных женщин искать партнера в США, стало катастрофическое сокращение числа так называемых «брачных мужчин» в России, т. е. не способных обеспечить семье финансовую безопасность и материальный комфорт, а, кроме того, злоупотребляющих алкоголем, курением и т. п., приводящим к высокой смертности (Johnson, 2007).

По мнению других американских социологов, в российском менталитете излишне укоренены архетипы мужественности (маскулинности), не поддающиеся изменениям во времени и попросту разрушающиеся в периоды социально-политических кризисов под давлением факторов риска (Levant, Cuthbert et al., 2003).

Третий вариант объяснения социологами США всплеска в конце XX – начале XXI веков заинтересованности русскоязычных женщин в заключении брака с партнером из Соединенных Штатов заключался в том, что опыт постсоветских женщин, по сути, признавался интерсекциональным, т. е., бросающим вызов одномерным структурам, отдающим приоритет лишь какому-то одному аспекту идентичности, – этнической принадлежности, клас-

су, статусу иммигранта и т. п. (Yuval-Davis, 2006). Все перечисленные конструкции, по мнению Юваль-Дэвис, изначально являются гибкими и изменчивыми, формирующимися на пересечении целого ряда социокультурных факторов, характерных для того или иного периода исторического времени, и потому не должны восприниматься как раз и навсегда определенные локации.

Социокультурный опыт постсоветских женщин в США с этих позиций признается уникальным, так как соединяет воедино их привилегированную расовую идентичность (белые) с маргинальной идентичностью женщин-иммигранток. Самим так называемым «невестам по почте» (по интернету) американским государством, к тому же, приписывалась еще и девиантная идентичность, означающая зависимость от заокеанского мужа и связанную с этим статусом уязвимую социальную позицию (Oum, 2003).

Интерсекциональность русскоязычных женщин-иммигранток США следует воспринимать как сложно сконструированную идентичность, отдельные элементы которой обладают разными степенями резистентности к американской культуре. К наиболее устойчивым элементам гендерной идентичности русскоязычных иммигрантов относятся бинарные оппозиции маскулинности и фемининности, архетипически заложенные в традиционной модели их поло-ролевого поведения. И, с этих позиций, поведение русскоязычных женщин-иммигранток в США провоцирует появление у американских мужчин состояния когнитивного диссонанса. С одной стороны, имплицитно присущая американским мужчинам маскулинная модель поведения провоцирует их искать себе брачную пару среди женщин тех культур, где сохраняются традиционно бинарные поло-ролевые отношения. А, с другой стороны, американские мужчины, ориентирующиеся на категории женской независимости, пропагандируемые феминистской идеологией, достаточно легко воспринимают ту модель своего поведения в обществе, которая фактически нивелирует любые их попытки проявлять знаки внимания к женщинам, особенно в общественных местах. Коммуникативный нейтралитет между мужчинами и женщинами, согласно правилам поведения в США, способствует установлению симметрии в их отношениях, но одновременно провоцирует и

¹ Представление американцев о российской женщине после развала СССР. URL: <https://dzen.ru/a/X1nOctfM7xQrKE6f> (дата обращения: 10 сентября 2020 г.).

множество недоразумений в отношении сексуального домогательства (харрасмент), влекущих за собой уголовную ответственность.

Но подобного рода модели мужского поведения не находят положительного отклика у русскоязычных женщин-иммигранток и в результате провоцируют новую цепочку недоразумений и межкультурного непонимания. Набор «разрешительных» фраз в процессе случайного общения мужчин и женщин в незнакомой обстановке в русскоязычной культуре обычно достаточно строго регламентирован и не выходит за рамки, если можно так сказать, нейтральной в сексуальном отношении тональности. Так, условно русская манера общения мужчин и женщин сохраняет известную долю стыдливости, которая не позволяет женщине, например, спросить у мужчины в общественном месте, как пройти в туалет. Вежливость и комплиментарность в поведении мужчин по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах для россиян являются едва ли не обязательными признаками хорошего тона. Однако для американской культуры именно такая модель мужского поведения по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах может быть расценена как домогательство со стороны мужчины (Richmond, 1996. P. 52-55).

Кроме того, дистанция полов, установленная в США, для русскоязычных иммигранток во многих случаях оказывается трудно принимаемой, например, во время совместного посещения ресторана, где, согласно американской традиции, каждый платит сам за себя. Подобного рода поведение мужчин и женщин среди американцев считается проявлением уважения к достоинству и независимости женщин, в то время как для русскоязычных иммигранток данная особенность американской культуры стабильно остается некомфортной и нередко мешает началу формирования близких отношений.

Нарративы молодых русскоязычных женщин-блогеров, живущих в США, доказывают сложность формирования личных отношений между русскими женщинами и американскими мужчинами в США. Чаще всего в русскоязычной блогосфере женщин-иммигранток упоминаются случаи, связанные с тем, кто должен платить в ресторане на первом свидании – мужчина или женщины. При этом женщины-блогеры, взявшие на себя труд объяснять

широкой аудитории пользователей правила американской жизни, обычно ссылаются на некие негласные нормы поведения, принятые в США, когда мужчина оплачивает ресторан во время первых четырех-пяти свиданий, что должно якобы доказывать его финансовую состоятельность. Но если отношения продолжают, ответственность между мужчиной и женщиной в этом смысле уже делится поровну (Американцам не хватает эмоций)².

Несовпадение поло-ролевых самоидентификаций русскоязычных женщин и американских мужчин является источником ценностных дихотомий в иммигрантской среде, преодоление которых в нынешних геополитических условиях представляется весьма сомнительным. Общее впечатление молодых россиянок, переезжающих в США, от общения с американскими мужчинами чаще всего сводится к недостатку у последних таких личностных качеств, как неожиданность, спонтанность, иррациональность поступков, на первый взгляд бессмысленных, но красивых жестов и всего того, что среди самих россиянок принято считать романтизмом отношений.

Еще более убедительными представляются нарративы русскоязычных женщин-блогеров, подробно описывающих свою необходимость вникать в тонкости лингвокультурных аспектов взаимоотношений с американскими мужчинами. При этом выделяются несколько стадий отношений, последовательно сменяющих друг друга. Стадия только начинающихся отношений, например, называется *"talking"*, когда возможно как их развитие, так и, наоборот, практически сразу же выясняется невозможность их развития. Если пара все-таки начинает встречаться, то обычно такую стадию принято называть *hanging out*, что означает «присматривание», нередко включающее и так называемый «пробный секс», который также имеет собственное обозначение в молодежной среде – *booty call* (в вольном переводе понимаемый как «секс по необходимости»). Следующая стадия развития отношений между молодыми людьми воспринимается ими уже как некие обязательства друг перед

² Американцам не хватает эмоций, в них нет искры»: россиянка о мужчинах в США. URL: <https://dzen.ru/a/XSsDL5mO1gCs-a58> (дата обращения 14 июля 2019 г.).

другом, носящие характер эксклюзивности – *pretty much exclusive* (т. е., не допускающие одновременный секс с разными партнерами, но и не требующий какой-либо формализации). Еще более близкими отношения становятся на стадии собственно *exclusive*, когда устойчивые отношения партнеров обретают статус состоявшейся пары. Далее следует стадия совместного проживания (*in relationship*), продолжающаяся иногда несколько лет. На этом этапе пара «притирается» друг к другу и в итоге, как правило, принимает или не принимает окончательное решение о заключении брака. Стадия подготовки к свадьбе в США имеет множество социокультурных нюансов, отсутствующих в советской и постсоветской традиции, и потому нередко вызывает когнитивный диссонанс у русскоязычных иммигрантов и еще больше усиливает ценностную дихотомию в их отношениях с американцами.

Если попытаться свести все разнообразие публикаций Рунета на эту тему к общему знаменателю, то основной причиной поло-ролевой дихотомии в отношениях русских и американцев окажется недовольство современных россиянок, живущих в США, недостатком маскулинных черт в поведении американских мужчин. В свободном практически от всех поло-ролевых ограничителей американском обществе русскоязычные женщины, в отличие от американок, нуждаются в сохранении традиционных норм поведения, основанных на четко распределенных бинарных установках. При этом речь не идет об идеологическом противостоянии каким-либо феминистским движениям американок в США, скорее, наоборот, русскоязычные иммигрантки попросту игнорируют эти движения, формируя свою собственную модель «женской свободы».

Полоролевая дихотомия в русско-американских отношениях связана, прежде всего, с быстро распространяющимися в современном мире процессами отказа от эссенциализма как неизменной сущности человеческой природы и переходу к конструктивистской позиции биотехнологического совершенствования человека. При этом тот факт, что и эссенциалистские взгляды также подвержены эволюционным изменениям, но направленным против трансгуманистических тенденций развития, не принимается во внимание. Конвергенция двух принципиально противостоящих одно другому философских направлений развития пред-

ставлений о человеческой природе в итоге не рассматривается и как основа для формирования консенсуса между кардинально различающимися системами взглядов, что и лежит в основе американского пути развития общественного сознания в области поло-ролевого поведения (Шалыгина, 2021).

Ценностные дихотомии в русско-американских отношениях распространяются и на многие другие сферы общественной жизни в США, чем значительно осложняют повседневную жизнь постсоветских переселенцев. С позиций теории лиминальности (перехода) голландского антрополога Арнольда ван Геннепа, столь кардинальная перемена культурной среды как переезд в другую страну неизбежно приводит личность в состояние маргинальности – новая среда еще не освоена, а прежняя уже не существует (Геннеп, 1999). Пороговое состояние иммигранта включает в себя три уровня его переживаний – отделение от исходной культуры, острое ощущение «ничейности» (или отсутствие какой-либо социокультурной идентификации) и обретение в той или иной форме обновленной идентичности. Лиминальность любой природы, согласно Геннепу, всегда основана на двойственности и неопределенности, поэтому в традиционных обществах переходное состояние личности (возрастное, семейно-брачное, статусное и т. д.) сопровождалось соответствующими обрядами, предназначение которых заключалось, прежде всего, в проверке готовности личности («нулевого персонажа», пребывающего в состоянии неопределенности и «нераспознанности») к переменам.

С этой точки зрения, ценностные дихотомии в стране нового проживания можно рассматривать как инициации, посвящение постсоветских переселенцев в американский образ жизни. Однако сложившаяся на данный момент ситуация геополитического противостояния между Россией и США существенно осложняет этот процесс и требует более конкретных методологий изучения. Отечественные этнопсихологи, оценивая эту ситуацию, предлагают собственные и более инструментальные методы ее изучения. Так, несколько российских научных школ за последние годы составили классификацию внешних и внутренних факторов, способствующих формированию новой этнокультурной идентичности в инокультурной среде. Согласно позиции исследователей из Санкт-Петербурга, к внутренним

факторам, влияющим на успешную адаптацию иммигрантов, следует относить, прежде всего, стремление к самореализации и уровень образования, а к внешним – заинтересованность принимающего общества в иммигрантах (Нето, Пшенко, Якушкина, 2011). Другая группа российских исследователей полагает, что к внутренним факторам в не меньшей степени относятся работоспособность иммигрантов, а также их стрессоустойчивость и другие психологические характеристики, способствующие преодолению состояния «перехода», к внешним – этническое происхождение иммигранта и правовые гарантии его защищенности в принимающей стране (Белов, 2009, Лиукконен, 2009).

Аналоги подобного рода классификаций существуют и в западной науке. Например, успешная адаптация измеряется в таких категориях, как «социальное счастье» (Аусан, Berry, 1996) или в параметрах психологического благополучия (Ataca, Berry, 2002; Schmitz, 2001; Ward, 1996). Однако к внешним факторам, препятствующие успешной адаптации иммигрантов, зарубежные авторы чаще всего относят не те объективные условия, которые входят в полномочия государственной власти принимающей страны, а такие показатели, как бедность, семейные проблемы и т. п. (Schoon, 2006).

Тем не менее несмотря на подробные классификационные разработки успешной адаптации мигрантов в современных гуманитарных науках, представляется, что наиболее эффективной методологией при изучении успешности мигрантов все же следует считать системный подход, в наиболь-

шей степени позволяющий установить причинно-следственные связи их вхождения в новую этнокультурную среду (Гриценко, 2002). С позиций междисциплинарных принципов, такого рода подход в одинаковой степени нуждается и в результатах исторических исследований. Например, еще в 1980-х годах Ш.А. Богиной были разработаны сравнительные методы изучения иммигрантов в США, позволившие сопоставлять различные сценарии адаптации, зависящие от этноисторического происхождения иммигрантских групп (Богина, 1965). Использование цивилизационного подхода позволило историку Галине Тарле выявить так называемые «тормозящие» факторы, препятствующие формированию новой идентичности у иммигрантов (Тарле, 1994). Глубокий анализ феномена американской цивилизации способствовал и тому, что дало возможность историку Н.Н. Болховитинову еще в 1990-х годах установить основные принципы «несоприкосновения» американской и русской культуры (Болховитинов, 2001).

В заключение можно сказать, что методологические подходы к пониманию тех изменений, которые сегодня претерпевает идентичность русскоязычных иммигрантов в США, находятся в области междисциплинарных исследований, что не только повышает уровень аналитического рассмотрения иммигрантских проблем в целом, но и позволяет рассчитывать на более глубокое понимание тех адаптационных процессов, с которыми сталкиваются наши соотечественники за океаном.

Список источников

Белов В.Г. Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 7–12. EDN: KMKWEV.

Богина Ш.А. Этнокультурные процессы в США, конец XVIII – начало XIX в. М. : Наука, 1965. 111, [2] с.

Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М. : Наука. 2001. 495 с.

Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

References

Belov V.G. (2009) Psychological defense and its role in the process of forming of the adaptive system of a person. *Scientific notes of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work*. Vol. 11. No. 1. P. 7–12. (In Russ.). EDN: KMKWEV.

Bogina Sh.A. (1965) Ethnocultural processes in the USA, late 18th - early 19th century. Moscow: Science. 111, [2] p. (In Russ.).

Bolkhovitinov N.N. (2001) American civilization as a historical phenomenon. The emergence of the Soviet Union in the American, European and Russian communal areas was. Moscow: Science. 495 p. (In Russ.).

Gennep A., van. (1960) Transfer cases. Systematic study of fertility; 292 p. (Russ. ed.: Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov. Moscow: Western literature, 1999. 198 p.).

Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Институт психологии РАН, 2002. 252 с. EDN: TKWQYX.

Лиукконен Е.И. Особенности этносоциальной интеграции из России // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 137–141. EDN: KMKWOB.

Нето Ф.П.С., Пшенко К.А., Якушкина М.С. Социокультурная и правовая адаптация мигрантов как фактор стабилизации миграционных потоков в СНГ // Человек и образование. 2011. № 2 (27). С. 104–108. EDN: NWFFNB.

9802.025. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек. Park R.E. Cultural conflict and the marginal man // Park R.E. Race and culture. Glencoe, ILL.: The free press, 1950. P. 372–376. (Collected Papers Vol. I) (переводится с сокращениями) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1998. № 2. С. 172–175. EDN: HKUWUF.

Романовский Н.В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов: по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 3–11.

Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2 кн. Кн. 1. М. : Наследие, 1994. С. 16–24. EDN: RDFUTP.

Шалыгина Н.В. Русские американцы. Поиск новых идентичностей. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021. 390 с. EDN: OWNPRH.

Aguilar, F.V. (1999) The triumph of instrumental citizenship? Migrations, identities, and the nation-state in Southeast Asia. *Asian Studies Review*, 23(3), 307–336. DOI: 10.1080/10357829908713241.

Anderson, P. English Questions. London: Verso Books, 1992. 384 p.

Ataca, B., Berry, J.W. (2002) Psychological, Sociocultural and Marital Adaptation of Turkish Immigrant Couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 37(1), 13–26. DOI: 10.1080/00207590143000135.

Aycan, Z., Berry, J.W. (1996) Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 28(3), 240–251. DOI: 10.1037/0008-400X.28.3.240.

Berry, J.W., Kim, U., Power, S., Young, M. and Bujaki, M. (1989) Acculturation Attitudes in Plural Societies. *Applied Psychology*, 38(2): 185–206. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x.

Breakwell, G.M. & Lyons, E. (eds) (1996) Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Change. International Series in Social Psychology, Butterworth-Heinemann, Oxford, U. K. 454 p.

Domosh, M. (1999). Sexing feminist geography. *Progress in Human Geography*, 23(3), 429–436. DOI: 10.1177/030913259902300306.

Dwyer, C. (1999). Contradictions of Community: Questions of Identity for Young British Muslim Women. *Environ-*

Gritsenko V.V. (2002) Social and psychological adaptation of pereselents in Russia. Moscow: Institute of Psychology RAS. 252 p. (In Russ.). EDN: TKWQYX.

Liukkonen Ye.I. (2009) Features of ethnosocial integration of immigrants from Russia. Education centers of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work. Vol. 11. No. 1. P. 137–141. (In Russ.). EDN: KMKWOB.

Neto F.P.S., Pshenko K.A., Yakushkina M.S. (2011) Social, cultural and legal adaptation of migrants as a factor in the stabilization of migration flows in the CIS. *People and education*. No. 2 (27). P. 104–108. (In Russ.). EDN: NWFFNB.

Park R.E. (1950) Cultural conflict and the marginal man. *Race and culture*. Glencoe, ILL.: The free press; P. 372–376. (Collected Papers Vol. I). (Russ. ed.: Kul'turnyi konflikt i marginal'nyi chelovek. Social and human sciences. Serious and insightful literature Series 11, 1998. No. 2. P. 172–175.) EDN: HKUWUF.

Romanovskii N.V. (1999) Sociology and sociology before the face of global cataclysms (According to the Archer and Vallerstein games). *Social research*. No. 3. P. 3–11. (In Russ.).

Tarle G.YA. (1994) History of the Russian Armed Forces: dates, principles, periodization. Cultural heritage of Russian immigration: 1917–1940. In 2 Books. Book 1. Moscow: Naslediyе. P. 16–24. (In Russ.). EDN: RDFUTP.

Shalygina N.V. (2021) Russian Americans in search of new identities. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay of the RAS. 390 p. (In Russ.). EDN: OWNPRH.

Aguilar, F.V. (1999) The triumph of instrumental citizenship? Migrations, identities, and the nation-state in Southeast Asia. *Asian Studies Review*, 23(3), 307–336. DOI: 10.1080/10357829908713241.

Anderson, P. English Questions. London: Verso Books, 1992. 384 p.

Ataca, B., Berry, J.W. (2002) Psychological, Sociocultural and Marital Adaptation of Turkish Immigrant Couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 37(1), 13–26. DOI: 10.1080/00207590143000135.

Aycan, Z., Berry, J.W. (1996) Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 28(3), 240–251. DOI: 10.1037/0008-400X.28.3.240.

Berry, J.W., Kim, U., Power, S., Young, M. and Bujaki, M. (1989) Acculturation Attitudes in Plural Societies. *Applied Psychology*, 38(2): 185–206. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x.

Breakwell, G.M. & Lyons, E. (eds) (1996) Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Change. International Series in Social Psychology, Butterworth-Heinemann, Oxford, U. K. 454 p.

Domosh, M. (1999). Sexing feminist geography. *Progress in Human Geography*, 23(3), 429–436. DOI: 10.1177/030913259902300306.

Dwyer, C. (1999). Contradictions of Community: Questions of Identity for Young British Muslim Women. *Environ-*

ment and Planning A: Economy and Space, 31(1), 53-68.
 DOI: 10.1068/a310053.

Ellis, M., Conway, D. and Bailey, A.J. (1996) The Circular Migration of Puerto Rican Women: Towards a Gendered Explanation. *International Migration*, 34(1), 31-64.
 DOI: 10.1111/j.1468-2435.1996.tb00179.x.

Elmhirst, R. (2000) A Javanese Diaspora? Gender and Identity Politics in Indonesia's Transmigration Resettlement Program. *Women's Studies International Forum*, 23(4), 487-500. DOI: 10.1016/S0277-5395(00)00108-4.

Fincher, R. (1997) Gender, Age, and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 29(2), 217-236. DOI: 10.1068/a290217.

Ghaffarian (1987) The acculturation of Iranians in the United States. *The Journal of social psychology*, 127(6), 565-571.

Gidwani, V. and Sivaramakrishnan, K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion. *Annals of the Association of American Geographers*, 93(1), pp. 186-213.
 DOI: 10.1111/1467-8306.93112.

Johnson, E. (2007) *Dreaming of a Mail-Order Husband: Russian-American Internet Romance*. New York, USA: Duke University Press. 208 p. DOI: 10.1515/9780822389750.

Levant, R.F., Cuthbert, A., Richmond, K., Sellers, A., Matveev, A., Mitina, O., Sokolovsky, M., & Heesacker, M. (2003). Masculinity ideology among Russian and U.S. young men and women and its relationships to unhealthy lifestyles habits among young Russian men. *Psychology of Men & Masculinity*, 4(1), 26-36. DOI: 10.1037/1524-9220.4.1.26.

Levi, Giovanni. "On Microhistory," Peter Burke, ed. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1992, pp. 93-114.

Longhurst, R. (2000). Geography and gender: masculinities, male identity and men. *Progress in Human Geography*, 24(3), 439-444. DOI: 10.1191/030913200701540519.

Nagar R., Lawson V., McDowell L., Hanson, S. (2002) Locating Globalization: Feminist (Re)readings of the Subjects and Spaces of Globalization. *Economic Geography*, 78(3), pp. 257-284. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2002.tb00187.x.

Nagel, C.R. (2001). Hidden minorities and the politics of 'race': The case of British Arab activists in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(3), 381-400.
 DOI: 10.1080/136918301200266130.

Oum, Rae Y. (2003) Beyond a Strong State and Docile Women. Reproductive choices, state policy and skewed sex ratio in South Korea. *International Feminist Journal of Politics*, 5(3), pp. 420-446. DOI: 10.1080/1461674032000122768.

Pajo E. (2008). *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility*. Springer New York, NY. XVIII, 214 p.
 DOI: 10.1007/978-0-387-71953-5.

Pratt, G. and Hanson, S. (1994) Geography and the construction of difference. *Gender, Place & Culture: A Journal of Feminist Geography*, 1(1), pp. 5-29.
 DOI: 10.1080/09663699408721198.

Richmond, Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians*. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1996. 191 p.

ment and Planning A: Economy and Space, 31(1), 53-68.
 DOI: 10.1068/a310053.

Ellis, M., Conway, D. and Bailey, A.J. (1996) The Circular Migration of Puerto Rican Women: Towards a Gendered Explanation. *International Migration*, 34(1), 31-64.
 DOI: 10.1111/j.1468-2435.1996.tb00179.x.

Elmhirst, R. (2000) A Javanese Diaspora? Gender and Identity Politics in Indonesia's Transmigration Resettlement Program. *Women's Studies International Forum*, 23(4), 487-500. DOI: 10.1016/S0277-5395(00)00108-4.

Fincher, R. (1997) Gender, Age, and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 29(2), 217-236. DOI: 10.1068/a290217.

Ghaffarian (1987) The acculturation of Iranians in the United States. *The Journal of social psychology*, 127(6), 565-571.

Gidwani, V. and Sivaramakrishnan, K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion. *Annals of the Association of American Geographers*, 93(1), pp. 186-213.
 DOI: 10.1111/1467-8306.93112.

Johnson, E. (2007) *Dreaming of a Mail-Order Husband: Russian-American Internet Romance*. New York, USA: Duke University Press. 208 p. DOI: 10.1515/9780822389750.

Levant, R.F., Cuthbert, A., Richmond, K., Sellers, A., Matveev, A., Mitina, O., Sokolovsky, M., & Heesacker, M. (2003). Masculinity ideology among Russian and U.S. young men and women and its relationships to unhealthy lifestyles habits among young Russian men. *Psychology of Men & Masculinity*, 4(1), 26-36. DOI: 10.1037/1524-9220.4.1.26.

Levi, Giovanni. "On Microhistory," Peter Burke, ed. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1992, pp. 93-114.

Longhurst, R. (2000). Geography and gender: masculinities, male identity and men. *Progress in Human Geography*, 24(3), 439-444. DOI: 10.1191/030913200701540519.

Nagar R., Lawson V., McDowell L., Hanson, S. (2002) Locating Globalization: Feminist (Re)readings of the Subjects and Spaces of Globalization. *Economic Geography*, 78(3), pp. 257-284. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2002.tb00187.x.

Nagel, C.R. (2001). Hidden minorities and the politics of 'race': The case of British Arab activists in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(3), 381-400.
 DOI: 10.1080/136918301200266130.

Oum, Rae Y. (2003) Beyond a Strong State and Docile Women. Reproductive choices, state policy and skewed sex ratio in South Korea. *International Feminist Journal of Politics*, 5(3), pp. 420-446. DOI: 10.1080/1461674032000122768.

Pajo E. (2008). *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility*. Springer New York, NY. XVIII, 214 p.
 DOI: 10.1007/978-0-387-71953-5.

Pratt, G. and Hanson, S. (1994) Geography and the construction of difference. *Gender, Place & Culture: A Journal of Feminist Geography*, 1(1), pp. 5-29.
 DOI: 10.1080/09663699408721198.

Richmond, Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians*. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1996. 191 p.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R., Eds., *Global Modernities*, Sage Publications, London, 25-44.

Schmitz, P.G. (2001) Psychological aspects of immigration. In L.L. Adler & U.P. Gielen (Eds.), *Cross-cultural topics in psychology* (2nd ed., pp. 229–243). Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group.

Schoon, I. (2006) Risk and Resilience: Adaptations in Changing Times. Cambridge: Cambridge University Press. P. 6–23. DOI: 10.1017/CBO9780511490132.

Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge: Polity Press, 1999. VIII+238 p.

Walton-Roberts, M. (2004) Rescaling Citizenship: Gendering Canadian Immigration Policy. *Political Geography*, 23(3), pp. 265–281. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.016.

Ward, C. (1996). Acculturation. In D. Landis & R.S. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, (2nd ed.), pp. 124–147.

Weinreich, P. (1991). Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*, 3(1), 73-92. DOI: 10.1177/097133369100300105.

Yee, Shirley. (1997) The “Women” in Women’s Studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 9(3). 46-64. DOI: 10.1215/10407391-9-3-46.

Yuval-Davis, N. (2006). Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3), 193-209. DOI: 10.1177/1350506806065752.

Информация об авторе

Шалыгина Наталья Валентиновна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гендерных исследований (ЦГУ),
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-
Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН),
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, Россия,
e-mail: etgender@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Вклад автора

Шалыгина Н.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 24 мая 2024 г.; принята к публикации 3 июня 2024 г.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R., Eds., *Global Modernities*, Sage Publications, London, 25-44.

Schmitz, P.G. (2001) Psychological aspects of immigration. In L.L. Adler & U.P. Gielen (Eds.), *Cross-cultural topics in psychology* (2nd ed., pp. 229–243). Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group.

Schoon, I. (2006) Risk and Resilience: Adaptations in Changing Times. Cambridge: Cambridge University Press. P. 6–23. DOI: 10.1017/CBO9780511490132.

Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge: Polity Press, 1999. VIII+238 p.

Walton-Roberts, M. (2004) Rescaling Citizenship: Gendering Canadian Immigration Policy. *Political Geography*, 23(3), pp. 265–281. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.016.

Ward, C. (1996). Acculturation. In D. Landis & R.S. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, (2nd ed.), pp. 124–147.

Weinreich, P. (1991). Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*, 3(1), 73-92. DOI: 10.1177/097133369100300105.

Yee, Shirley. (1997) The “Women” in Women’s Studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 9(3). 46-64. DOI: 10.1215/10407391-9-3-46.

Yuval-Davis, N. (2006). Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3), 193-209. DOI: 10.1177/1350506806065752.

Information about the author

Nataliya V. Shalygina,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for
Gender Studies (CGU),
Institute of Ethnology and Anthropology named after
N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences
(IEA RAS),
32aб Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia,
e-mail: etgender@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Contribution of the author

Shalygina N.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 17, 2023; approved after reviewing May 24, 2024; accepted for publication June 3, 2024.